

Владимир
Ильигов
(Сквер)

СТИХИ

П
И
С
К
В
И
Р

Владимир Ильичев (Сквер)

МКС-81. Стихи

«Издательские решения»

Ильичев (Сквер) В.

МКС-81. Стихи / В. Ильичев (Сквер) — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516269-4

«МКС-81» — сборник стихотворений, опубликованных в 2013—2017 гг. на Интернет-площадке «МК-Сетература» (спецпроект «Московского Комсомольца»).

ISBN 978-5-00-516269-4

© Ильичев (Сквер) В.
© Издательские решения

Содержание

О проекте «МК-Сетература»	6
...в настоящем чужая страна	7
Дошкольное У	7
Сычиный дом	8
И там... остаюсь	9
Нам дано перекрыть этот путь	10
Агитёр	10
Нам дано	11
Я преступник	12
Под боком призрака любви...	13
И даже...	13
Нелепые годы	14
Футбол тире паяльник	15
Что курит автор?...	16
«Над прикидом пять минут колдовал...»	16
Светись не светись	17
«Витиевато выражаясь...»	18
«Могла бы фотка эта статья...»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

МКС-81

Стихи

Владимир Ильичев (Сквер)

© Владимир Ильичев (Сквер), 2020

ISBN 978-5-0051-6269-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О проекте «МК-Сетература»

С появлением Интернета неотъемлемой и значительной частью культурного пространства стала сетевая литература (сетература), и этот факт послужил предпосылкой создания в 2011 году спецпроекта на сайте «Московского Комсомольца» – одной из центральных газет России. «Никаких самопубликаций» и «Все жанры хороши кроме скучного» – такими принципами руководствовались инициаторы проекта, взяв смелый ориентир на заслуживающие внимания произведения современных поэтов и прозаиков, несмотря на разрастающийся поток сетевого самиздата, прозрачностью отнюдь не отличающегося.

«МК-Сетература» подарила русскоязычным литераторам шанс «не затеряться в толпе», и не зря: пусть проект отошёл сейчас в тень, однако свершённые встречи с читателями были своевременны, важны, а порой, может быть, судьбоносны.

Автор данного сборника благодарит редакторов «МК-Сетературы» Нину Ротта и Георгия Янса за неоднократную поддержку творческих решений в годы существования спецпроекта.

...в настоящем чужая страна

Дошкольное У

У Маслоу в руках – пирамида,
он героем глядит из угла,
но меня не кусает обида,
у меня пирамида – была...

А у Джоя – у Гилфорда – кубик.
Ну и что? Если надо – Отец
мне такой же... у Гилфордов... купит,
скажет – на, поиграйся, малец.

У Левина в биноклике – поле,
барахольно-предметная даль...
Он чего-то там шпрехал о воле —
разобрать не получится, жаль.

А у мальчика Вовы – Россия,
а у девочки Мафии – шар.
...А Рикардушка Розу Гарсия
мексиканит, по-русски дыша.

Воспитатель не смотрит за группой
двадцать два эпизода подряд,
а директор уехал... за лупой —
плохо видит совсем, говорят.

Не играю. Тошнит от игрушек.
В потолок ухожу. Как большой.
Вот, с такими никто и не дружит —
шепчет девочке Мафии Джой...

Сычинный дом

В этом доме нет скрипок
и нет скрипачей.
Много с крыльями «Ribok»
домовых сычей,
уважающих пиво
и сетку тиви,
в общем, бурно и сиво,
прописан – живи...

В этом доме нет сказок
вкусней Колобка.
Много нервного газа
в патроне глазка,
и прицелов немало:
этаж – патронташ.
Брат, любуйся – попало!
Сестра, не промажь!

В этом доме нет скрепок
для старых листов.
Много нового века,
а прошлый – издох,
и его закопали
в бедламе бумаг,
в поминальном запале
забыв, что и как.

В этом доме нет сёмок...
Да ладно, шучу,
Много семечек, зёма,
грызи – не хочу!
Окунись в эти звуки,
цени этот вид.
Принципок «в зубы руки»
народцу привит.

В этом доме нет скрипок
и нет скрипачей.
Много птичьего гриппа
и зверских врачей
с анальгином и планом
бедлама бумаг...
Много песен о главном
в сычинных умах.

И там... остаюсь

Это не был, как помню – «Союз»,
это было цветастое детство,
освещённое светом звезды —
о которой я мало что знал.

...Я читал на бутылке: уксУс —
и страна улыбалась: «Вовец-то!...»,
а сама возводила мосты,
чтобы брода в тених не искал.

...Медсестра забежала за мной —
рано утречком, сделать прививку.
И соседка могла – приглядеть,
не сдирая с родителей мзду.

«Бибатека алё» – мне домой —
сообщала про «новую книфку»,
и потом – как надумал взрослеть —
приглашала к большому «Костру».

Ну а повар подкладывал мне
из кастрюли сладчайших кусочков —
будто я приходил в ресторан
с виайпишным клиентским меню.

Нет. В столовку. Обычно вполне —
и в обычный из школьных денёчков...
...И сомнения – но пасаран...
...И с отцом на луга семеню...

Это был мой усталый Союз,
мой Союз, беззаботное детство,
освещённое светом звезды —
о которой я мало что знал...

Я и помню, и там... остаюсь,
остаюсь – больше некуда деться:
сотрясает и рушит мосты
в настоящем чужая страна.

Нам дано перекрыть этот путь

Агитёр

Агитирую! За воздух и воду!
Агитирую! Против бромомдатых академиков,
не знающих броду!
Агитирую! За регрессивную постановку вопроса!
Агитирую! Против модернизированного
хоботка нефтесоса!
Агитирую! За аскета из сельской местности!
Агитирую! Против пиджака из синтетической мерзости!
Агитирую! За целомудрие девственниц!
Агитирую! Против силиконченных бадей-неестественниц!
Агитирую! За высококачественный мёд!*

Агитирую! Против фразы «меня не ипёт»!
Агитирую! И не опять, а снова!
Агитирую! Против всех видов спиртного!
Агитирую! За счастливых черепах!
Агитирую! Против быстрых уколов в пах!
Агитирую! За покупку кваса и книги с калыма!
Агитирую! Против любого упакованного дыма!
Агитирую! За настоящий в бане чистотел!
Агитирую! Против еды из кусков чьих-то тел!
Агитирую! За понимание настоящего!
Агитирую! Против зомби из ящика!
Агитирую! За «сделал, подумав»!
Агитирую! Против отмороженной омандаченности
в думах!
Агитирую! За достаток и достаточный штат уборщиц!
Да!
Агитирую! Против компромиссного какбэ творчества!
Агитирую! Агитирую! Агитирую!

Отвалите.

Актёр. Репетирую.

Нам дано

Я решаю,
кого винить надо в том,
что на тысячу улиц – единственный дом,
у меня бьётся сердце под чьим-то замком...
Я решаю,
кого мне винить.

Я решаю,
с кого спросить за леса:
не забыть, как в дыму задышалась лиса,
как на злых языках угасали глаза...
Я решаю,
с кого мне спросить.

Я решаю,
кому припомнить людей,
потерявших тепло материнских грудей
и потерянных в россыпи гнутых гвоздей.
Я решаю,
кого рассчитать.

Я решаю,
кому воздать за страну —
затонувшую так, как никто не тонул —
потому что я рос, направляясь ко дну...
Нет сомнений,
что нужно воздать.

Я решаю,
кому вернуть этот срок,
перепутавший мир паутиной дорог.
Из дорожной пыли не выходит пирог.
Я решаю,
кому же вернуть.

Я не прав был,
когда на лики икон
я молился, но думал – решать должен Он...
В благородные реки ползёт силикон.
Мне дано
перекрыть этот путь.

Нам дано перекрыть этот путь.

Я преступник

Я преступник. Отправил во вторник
трём читателям книгу свою —
небольшой поэтический сборник
с тёплой подписью: «Ваш И. В. Ю.»

Я преступник. Они заплатили
по тарифам почтовых услуг,
и по сотенке – мне подсобили,
на картошку, на свёклу и лук.

Я преступник. Ведь даже не вспомнил
про налоги – как можно? Нельзя!
И теперь свёкла красит лицо мне,
и от лука слезятся глаза...

Я преступник. Размята картошка,
но стоит в горле комом налог.
Впрочем, надо потыкать немножко.
Очень голоден мой Ван дер Лог.

Я преступник. А кто не преступник?
Может, сборщик? А может быть, мент?
Даже ангел Аркадий Укупник
ел картошку и свой документ...

Под боком призрака любви...

И даже...

Заложники невидимого смысла,
мы шарим в отведённой пустоте,
надеясь на оторванные числа —
сидим... без обвинений по статье.

И звёзды собираются в квадратик,
роняя сны о снах про звездопад...
А хочется и дальше собирать их —
в курсором расширяемый квадрат.

Воспитанники жизненной шараги,
мы так или иначе — заодно,
чтецы состава специй в дошираке,
и спонсоры высокого кино.

Но солнце не снимается за деньги,
и в Каннах не позирует совсем...
проводит парой лучиков по стенке,
и — дальше, не здороваясь ни с кем.

Ценители непойманного кайфа,
мы спим под боком призрака любви...
Один московский фан «Маккаби» (Хайфа)
разбил мечту — на типы ОРВИ.

Потом он их опять — чем было — склеил,
а что, почти такая же мечта.
И я... сначала — жал, а после — сеял.
И я, представь... И тот вон. И вон та.

Вампиры малокровных революций,
сажальщики удачи на болты,
соавторы каёмочки на блюде,
и та, и тот, и я, и даже...

Нелепые годы

Нелепые годы: наш русский мужик
от выпивки травится. Было ль такое?
А русский солдат от своих же бежит...
А русский пельмень полон импортной сои!

А русская девка себя продаёт,
торгуясь в ру-нете с гнилым иностранцем,
а русский ребёнок из омута пьёт,
гордится шприцами в ненашенском ранце.

А русской природе надели корсет
и тянут верёвки: терпи, это модно!
Наш лес вековой – словно био-клозет:
и пахнет неплохо, и гадь, кто угодно.

А русский священник корысти испил,
в кармане – мобила, в меню – калькулятор,
и он не считает, что сердцем остыл:
ну, да, прихожане, ну, вера... А я-то?!

И к русской земле приникая щекой
я чувствую жар заражённой свободы;
прошу я: о, Господи, Боже ты мой,
храни эту землю в нелепые годы.

Футбол тире паяльник

Сегодня ваша сила – кнут и пряник,
причём – руке удобней рукоять,
но помните, классический паяльник
способен и спаять, и распаять.

Могу поклясться порохом в петарде —
метель такую клятву намела:
когда-нибудь я стану – как Берарди,
заряженным на вас – как на Милан.

А если будем ближе к Ливерпулю —
я, ради ваших новых именин,
в Аршавина себя перевербую
по формуле «четыре плюс один».

Куда же вам тогда? В Севилью, что ли?
Фанаты плюнут: пёс, мол, разбери...
А я – Роналду, я уже на поле,
гарантия – «четыре или три».

Такая связь. Футбол тире паяльник.
Вы скажете: сынок, учи матчасть.
Но помните: классический начальник —
не власть, а только временная власть.

Что курит автор?...

«Над прикидом пять минут колдовал...»

Над прикидом пять минут колдовал:
с братом-солнышком играя вничью —
у рубахи оторвал рукава...
Будет холодно – обратно пришью.

Над обедом пять минут ворожил:
луговых надёргал ягодок в горсть;
мне чужие – в городах торгаши,
а лугам я – дурковатый, но гость.

Над собою пять минут хохотал,
отражаясь в молодильной воде,
и заплакал: крановуха-вода
где-то кончилась в трубе, в темноте.

Над обрывом пять минут подремал,
не боясь, что улететь можно вниз,
мне не выйти даже в чудвертьфинал,
но со мною делит солнышко приз.

Надо мною – ты... чудная... чуди:
пять минут буди меня тишиной,
а потом – куда захочешь иди
по планете нашей, круглой, чудной.

Светись не светись

Я стихами тебя не смогу утомить —
мало знаю чужих, и не помню свои...
Но стихи легче лёгких, не рви эту нить,
а порвёшь – и меня заодно завали.

Ты меня красотой не убьёшь наповал —
я прошёл теРРабайты твоей красоты.
Я нашёл йоГАбайты... Модем сплеховал,
разработанный тем, кто не знал, что есть ты.

Мы не встретимся даже, какие стихи,
о каком я модеме, кому говорю...
Но два года летают по мне светляки,
только выдохну днём – лезут ночью в ноздрю.

И другой бы их вывел, купив препарат,
ну а я силой воли хочу обойтись.
Обойти... и забыть. Я бы рад... нет, не рад.
Марафонят жучары. Светись не светись.

«Витиевато выражаясь...»

Витиевато выражаясь
(как предпочёл и предпочту) —
ушёл я в минус, умножаясь
на плюсотворную мечту.

И у меня одно осталось:
надежда – каменнее львов —
на недосчитанную малость,
на разделённую любовь...

Но я ужасный математик,
а ты – психолог (лучше всех).
И только сны... мне понимать их
искомой суммой наших вех?

А львы сидят у входа в Числа,
невозмутимы и белы.
Над нами действие зависло,
а им – спокойно... ибо – львы.

«Могла бы фотка эта стать...»

Могла бы фотка эта стать
традиционной, номер ...цать:
ты – руки в боки – образцом для бойких дев...

И наслаждался б я тогда
сквозь холостяцкие года
такой чужой, такой фантомной буквой Ф.

Но изогнулась ты чуток,
метнулся в небо локоток,
причёску тронула кокетливо рука...

И получилась буква В
у Вовки в буйной голове!
Как хорошо, что сам не буйный я пока.

Медбрат в палате номер шесть
сказал бы: что-то в этом есть —
а, точно, фотка, теги «лето, отдых, юг»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.